

ВОЗМОЖНО ЛИ ГОСУДАРСТВО-НАЦИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ?

Что такое государство-нация?

«Национальный вопрос» является одним из самых запутанных и сложных в истории человечества. Однозначного понимания, что же такое нация и как следует ее трактовать, так до сих пор и нет. Научная полемика о сущности нации привела к своего рода расколу на два больших направления – примордиалистское и конструктивистское. Первое постулирует бытие феномена нации на протяжении всей человеческой истории и незыблемость нации в будущем. Представители второго направления утверждают, что понятие нации было вызвано к жизни нуждами определенной исторической эпохи, т.е. нации были фактически сконструированы в конкретных исторических обстоятельствах и их дальнейшее существование в будущем далеко не является самоочевидным. Манифестом конструктивистского направления можно считать нашу книгу Бенедикта Андерсена «Воображаемые сообщества».

В последнее время становится очевидным торжество конструктивистских концепций в научной картине мира. С другой стороны, большинство школьных учебников продолжают транслировать примордиалистские воззрения, выводя, в частности, историю современных европейских наций из феодальных княжеств Средневековья и формируя соответствующим образом общественное мнение. Очевидно, что примордиализм является удобным подспорьем для стабилизации и легитимации политических режимов, а также для оправдания того административно-политического размежевания, которое сложилось в мире. Однако для истинного понимания природы наций и государств, оформляющих их политическое бытие, конструктивистские концепции представляют несравненно большую ценность.

Феномен нации невероятно многолик и не поддается четкой дефиниции. Всем известны хрестоматийные «сталинские» критерии нации – «общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющаяся в общности культуры» - которые неоднократно подвергались критике как поверхностные и не учитывающие специфики многих наций. Действительно, на каждый критерий можно привести с десяток исключений. С нашей точки зрения, ошибка Сталина заключается в том, что он старался «загнать» в свое определение максимальное количество *необязательных* признаков нации, которые могут проявляться, а могут и не проявляться, и забыл о самом главном, фундаментальном признаке, общем для всех наций. Этот признак – национальное самосознание, которое может базироваться на одном, нескольких или всех вместе «сталинских» критериях, а может и выходить за их пределы.

Нация несводима к этничности, хотя этничность является одним из наиболее часто встречаемых признаков нации. Действительно, этничность и, как правило, «сопутствующая» ей языковая и культурная общность, является очень удобным и эффективным подспорьем для национальной консолидации. Большинство национальных государств Европы – этнонации. Вместе с тем, наличие значительного числа полиэтнических и полилингвистических наций говорит о том, что этничность также не является универсальным критерием.

Национальное самосознание пронизывает все слои общества и структурирует его в единую систему, функционирующую по общим правилам. Высокая степень консолидации и унификации отличает нацию от прочих этнических и социальных исторических общностей. Низкая мобильность населения и относительная неразвитость коммуникаций на протяжении долгого времени не требовали высокого уровня консолидации, характерного для нации. Древняя Эллада, населенная этнически однородным сообществом, оказалась разорванной на десятки постоянно враждующих автономных городов-полисов с несхожим политическим, социальным и культурным обликом. Включение в единый политический организм Римской империи незначительно отразилось на жизни многих отдаленных провинций, несмотря на то, что там действовала римская администрация и они платили налоги в общую казну. Показательный пример разобщенности демонстрирует феодальная Европа, где помимо вертикаль-

ных (территориальных) существовали многочисленные непроницаемые горизонтальные барьеры, рассекавшие общество на замкнутые сословия.

Развитие капиталистических отношений вызвало невиданную доселе социальную мобильность, происходит массовый приток населения из деревень в города. Развитие индустриализма, создание развитой транспортной сети, формирование национальных рынков объективно требовали консолидации и унификации социума. Разрушаются сословные перегородки и традиционные сельские уклады; города становятся тем плавильным тиглем, в котором представители разных регионов формирующегося государства-нации сливаются в новую историческую общность. Неоценимый вклад в становление нации вносит и система всеобщего начального и среднего образования.

Процесс формирования западных наций был болезненным и противоречивым. Тем не менее, в конечном счете, он сыграл одну из решающих ролей в утверждении гегемонии Запада в мировом масштабе. Нация стала порождением специфического развития именно западного (западноевропейского и североамериканского) общества. Однако мировая гегемония Запада, отчетливо оформившаяся уже в 19 в., привела к тому, что многие западные общественно-политические институты начинают утверждаться и в незападных странах. Государство-нация не стало здесь исключением.

Формирование государств-наций на Западе обернулось резким всплеском национализма в колониях, где он стал своеобразной формой освободительного движения. Вестернизированные элиты колониальных стран (прежде всего, Индии и Латинской Америки) предприняли попытку бороться с Западом его же оружием и, надо признать, добились в этом немалых успехов. Тем не менее, говорить о формировании в этих странах наций в западном смысле слова, с нашей точки зрения, преждевременно. По-прежнему сохраняется огромный разрыв как на бытовом, так и на ценностно-мировоззренческом уровне, не говоря о социальном статусе, между вестернизированными элитами и основной массой населения бывших западных колоний. «Нация» в странах третьего мира обрела сугубо элитистский характер, оставив за своими пределами подавляющее большинство жителей. Притом, что сегодня большинство стран с формально-правовой точки зрения копируют устройство западного государства-нации. Это лишний раз доказывает, что государство-нация является не неким универсальным общечеловеческим принципом, а результатом развития одного, весьма специфического, общества, «скопировать» которое в принципе нельзя.

Возникновение государств-наций в Западной Европе стало серьезным вызовом и для сопредельных восточноевропейских и евразийских государств, сформировавшихся как полиэтнические конгломераты. Развитие капитализма обострило и без того запутанный национальный вопрос в этих странах, где «угнетенные» этнические меньшинства пытаются либо пересмотреть распределение властных полномочий в свою пользу, либо вовсе создать собственную государственность вне многонациональной империи. Особенно остро стоял вопрос в Австрии, где «государствообразующий» этнос – немцы – находился в численном меньшинстве относительно остальных народов империи. Стремление найти компромисс и, с одной стороны, удовлетворить амбиции национальных меньшинств, а с другой, - сохранить целостность дунайской монархии, привело к тому, что Австрия стала родиной концепции национально-культурной автономии, не привязанной к административно-территориальному размежеванию. К сожалению, австрийские власти не смогли воплотить эти идеи в жизнь. Вместо этого они пошли на частичную «федерализацию» - вместо Австрийской империи появилась дуалистическая Австро-Венгрия, что лишь дало дополнительные козыри прочим этническим сообществам в их автономистских притязаниях. Так и не разрешенный национальный вопрос стал, в конечном счете, той миной замедленного действия, которая разорвала дунайскую монархию на части после Первой мировой войны.

В Российской империи национальный вопрос стоял не так остро, как в Австрии. Это было связано как с относительной неразвитостью российского капитализма, так и с тем, что, в отличие от Австрии, в России «государствообразующий» этнос – русские, к которым в 19 в. причисляли белорусов и украинцев – составлял большинство населения.

Тем не менее, националистические идеи проникают и в Россию, став удобным инструментом шантажа региональными элитными группировками центральных властей.

Эволюция «национального вопроса» в Российской империи и СССР

Россия исторически формировалась как полиэтничное государство. Уже древнерусские феодальные княжества оказываются в ситуации тесного взаимодействия с сопредельными этническими сообществами – степными кочевниками-тюрками, финно-уграми и балтами. Централизация и территориальная экспансия российской государственности привели к тому, что этническая карта страны оказалась чрезвычайно пестрой. Многие из населявших Россию народностей не имели собственной государственной традиции (прежде всего, народы Севера и Сибири) и, постепенно включаясь в хозяйственную и культурную жизнь России, частично или полностью ассимилировались. Народы с той или иной государственной традицией – прежде всего, их элиты – центральная власть старалась инкорпорировать в качестве полноправных подданных, в том числе и с возможностью доступа к высшим государственным должностям. В ряде случаев территории добровольно переходили в российское подданство, так как только Россия могла стать надежным гарантом их безопасности – достаточно вспомнить Малороссию при Богдане Хмельницком и Грузию в начале 19 в. Таким образом, дореволюционную Россию можно считать государством, в котором, при несомненном доминировании русского народа и культуры в качестве государствообразующих, прочие народы не подвергались насильственной ассимиляции, а их элиты получали доступ к процессу принятия общегосударственных решений. Для большинства этих народов российская государственность была естественной средой обитания, а для некоторых – даже залогом биологического выживания.

Длительное время российская «политическая нация» была сугубо элитистской, т.е. в качестве политических акторов выступали аристократические элиты, как русские, так и «инородческие». Основная масса населения была отрешена от процесса принятия сколь-нибудь значимых решений и ограничивала свою деятельность рамками разобщенных сельских миров-локусов, причем уровень самосознания зачастую ограничивался даже не региональной, а местной идентичностью. Так, еще в 19 в. представители «государствообразующего» народа – русские крестьяне – нередко идентифицировали себя прежде всего как «калужские» и «тамбовские», что можно рассматривать в качестве своего рода великорусской «тутэйшести». Выдающийся роман М. Шолохова «Тихий Дон», описывающий события начала 20 в., фиксирует своеобразную идентичность донских казаков, отличавших себя как от «мужиков»-русских, так и от «хохлов»-украинцев.

Становление капитализма нарушало сложившийся в России «консенсус элит». Отмена крепостного права подорвала экономический фундамент аристократии и вызвала выдвижение новых, более демократичных «разночинных» элит. Организация капиталистических производств, развитие транспортной сети и, как следствие, оживление социальной мобильности, требовали создания новой политической нации, охватывающей не только элиты, но все слои населения. Формирование такого рода гражданской нации было делом не нескольких лет и не одного десятилетия – российский периферийный капитализм развивался медленно и неравномерно, долгое время не затрагивая традиционного жизненного уклада огромных масс населения. Тем не менее, во второй половине 19 в. потребность в формировании гражданской нации была уже очевидна. Гражданская нация в условиях России требовала идеологии, объединяющей все этнические группы, при этом не задевая и не ущемляя их национальных чувств. Вместе с тем, без сохранения русского народа в качестве «цементирующего материала» государственности, а русской культуры и языка – в качестве ее «кровеносной системы», гражданская нация в России была невозможна. Однако консолидация самого русского народа оказалась делом нелегким.

Царские власти предлагали проект консолидации русских на основе общего древнерусского культурного наследия и принадлежности к православию. Под понятие «русский» в таком случае подпадали не только великорусы, но также белорусы и малорусы (украинцы). В

северо-западных и юго-западных губерниях это вызвало сопротивление со стороны польского и полонизированного населения. Подобный «русский проект» не только угрожал экономическому господству поляков в крае, но и входил в конфликт с польским национальным сознанием, в котором центральное место по-прежнему занимал образ «Большой Польши» от моря до моря. В противовес «общерусскому» выдвигаются альтернативные белорусский и украинский националистические проекты, ориентированные на Польшу и Западную Европу. Тем не менее, в конце 19 – начале 20 вв. наметилась очевидная консолидация русских, белорусов и украинцев. Это выразилось и в нивелировке языковых отличий, прежде всего, в городах, а также в появлении прослойки местной интеллигенции, постулирующей свою «общерусскую» идентичность. В белорусских губерниях эта прослойка была менее заметной, чем в малороссийских, прежде всего, в связи с экономической отсталостью края и отсутствием университетов. За высшим образованием и карьерным ростом белорусы выезжали в другие регионы империи, где, как правило, и оседали. Тем не менее, заметным явлением в русской культурной и общественной жизни становятся выходцы из Беларуси: историк М. Коялович, этнограф Е. Карский, философ Н. Лосский, автор концепции «народной монархии» И. Солоневич. Примечательным фактом становления «общерусского проекта» было «московильское» движение в Галиции и Закарпатье, входивших в состав Австро-Венгрии.

«Национальный вопрос» в Российской империи так и не оформился как целостная и комплексная проблема. Особой остроты достигли лишь «частные» вопросы, такие как финский и польский. Подтверждением тому стали события Революции и Гражданской войны, когда рухнула прежняя государственность, и сепаратистские движения, казалось бы, получили свой исторический шанс. Однако на поверку дня эти движения обнаружили свою несостоятельность и отсутствие широкой социальной базы, что и показало последующее воссоединение бывших имперских земель под властью большевиков практически в полном объеме.

Большевики понимали, что для ускоренной модернизации страны потребуется участие всего населения, проживающего на ее территории. Поэтому решение «национального вопроса» и формирование единой гражданской нации – советского народа – было одним из приоритетных направлений политики новой власти. Национальная политика советской власти прошла несколько этапов. Первый этап охватывает 20-е гг. и хронологически примерно совпадает с политикой НЭПа. СССР, по замыслу его создателей, должен был стать свободной федерацией национальных республик, объединенных социалистическим, впоследствии – коммунистическим, способом производства. В России фактически обкатывалось административно-территориальное устройство для всего будущего мира, который должен был появиться в результате мировой революции. Россия больше не мыслилась как многонациональное государство, объединенное на базе русской культуры и традиции. Русские, в представлении большевиков – всего лишь один из народов, а их культура не имеет никаких преимуществ перед другими культурами. Поэтому НЭП дал примеры непримиримого «развенчания» большевиками «русского великодержавного шовинизма». На национальных окраинах СССР большевики организуют политику «коренизации», которая выразилась не только в поддержке и развитии местных культур и языков, но и в планомерном купировании русского культурного влияния. В это время почти все народы СССР с неписьменными культурами получают письменность на основе латинской графики, что, опять же, делается для облегчения коммуникации с европейским пролетариатом.

При Сталине совершается отказ от столь радикального толкования «национального вопроса». Происходит негласная реабилитация идеи России-СССР как государства, «цементирующим материалом» которого являются русская культура и язык. Так, латинские алфавиты, в предшествующий период введенные в качестве письменных для многих национальных языков, повсеместно заменяются кириллическими. Существенно урезается политика «коренизации», хотя говорить о ее полном сворачивании никак нельзя: союзные республики остаются высшими административными единицами, и их статус национально-государственных образований не подлежит пересмотру. Русский язык постепенно возвращается в официаль-

ное делопроизводство республик, а во многих из них – прежде всего, в Белоруссии и на Украине, которые до революции официально признавались русскими областями, а также в Казахстане и Киргизии – происходит стремительное утверждение русского языка в бытовом общении. С нашей точки зрения, при Сталине, несмотря на все «революционные перегибы» в виде гонений и репрессий вчерашних «коренизаторов», происходит своего рода нормализация национально-культурной политики. Русский народ и русская культура исторически были фундаментом российской государственности. Размывание этого фундамента грозило обрушением всей государственной конструкции. Поскольку мировая революция, а значит, и отмирание государства, очевидно, откладывались, жизненно важной задачей руководства страны становится восстановление традиционной государственности, пусть и под революционными знаменами.

Наконец, в 60-70 гг. партийное руководство официально констатировало формирование «новой исторической общности» - советского народа. Сегодня это определение является объектом насмешек, однако если взглянуть на вопрос беспристрастно, становится очевидным, что оно вполне соответствовало истине. Советский народ действительно был полноценной гражданской нацией, не отменявшей этничности принадлежащих к ней людей (о чем свидетельствовала соответствующая графа в советском паспорте). Общая идеология, единая транспортная и хозяйственная системы, унифицированная и, вместе с тем, адаптированная к этнокультурным особенностям регионов система образования – все это создавало предпосылки для формирования в СССР гражданской нации, которая и сложилась в своих основных чертах к 60-70-м гг.

Конечно, советская модель имела и серьезные недостатки. Административно-территориальное устройство, в основу которого был положен принцип наделения каждой народности «собственной» территорией, не учитывал многих особенностей этнокультурной ситуации, таких, как низкое или размытое этническое сознание, а также смешанный тип расселения народностей. Зачастую этничность попросту навязывалась сверху административными структурами (яркий тому пример – «украинизация» в 20-е гг., сопровождавшаяся агрессивными гонениями на все русское). Утверждение одних народностей в качестве «титულных» закономерно вело к ущемлению прав других, проживающих на той же территории. Зачастую такие «меньшинства» численно превосходили «титулный» народ. Впоследствии эти дефекты национальной политики привели к кровавым межэтническим конфликтам в республиках бывшего СССР. Вместе с тем, все эти противоречия отнюдь не были фатальными. Они успешно гасились в рамках единого советского народа, и впоследствии могли быть успешно решены путем грамотного и осторожного реформирования. Однако история рассудила иначе.

Психологические предпосылки дезинтеграции формировались внутри самого СССР. Развитие советской системы привело к формированию мощных бюрократических аппаратов в национальных республиках, которые постепенно начали осознавать собственные интересы, отличные от общегосударственных, и все больше тяготились авторитарной опекой Центра. Еще одной группой, психологически готовой поддержать дезинтеграцию единого государства, была национальная гуманитарная интеллигенция республик, само появление которой, правда, во многом стало возможным именно благодаря национально-культурной политике Советской власти. Чрезмерная централизация государства, доставшаяся в наследство от сталинской эпохи и уже не отвечавшая социальным и ментальным условиям периода «развитого социализма», вела к нарастающему антагонизму между «центром» и «периферией». С одной стороны, «центр» был своеобразным маяком и заветной мечтой для жителей «периферии». С другой стороны, попасть в «центр» могли далеко не все. Это вызывало как зависть по отношению к более удачливым, так и озлобленность по отношению к «центру». Выразителем этого недовольства закономерно стала наиболее интеллектуально продвинутая часть «периферийного» общества – местная интеллигенция. «Центр нас объедает, Центр забирает лучшие кадры», - этот лейтмотив поздней перестройки был порожден в том числе и своеобразным комплексом неполноценности местной интеллигенции. Периферийная интеллигенция

тоже хотела быть Центром, но для этого надо было избавиться от единого, общегосударственного Центра.

Однако сами по себе «национальные» бюрократия и интеллигенция провести такую масштабную операцию, как дезинтеграция СССР, не могли. Социально-экономическая система была устойчива и исправно функционировала. Кризисные тенденции, конечно, имели место, но были связаны скорее с развитием системы, а не с ее деградацией. Дезинтеграция стала возможной в условиях социально-экономического хаоса, возникшего в результате неумелого и непродуманного реформаторства «перестройщиков» (почему стала возможна перестройка – отдельная и очень обширная тема). Но и здесь определяющую роль сыграли не амбиции региональной бюрократии и интеллигенции, а та борьба за власть, которая развернулась в Центре. Борьба двух полюсов силы - всесоюзного во главе с Горбачевым и «российского» во главе с Ельциным – в конечном счете, предопределила паралич, охвативший систему власти, и окончательную дезинтеграцию страны. Сигналы отделяться недвусмысленно посылались национальным республикам ельцинской администрацией, а фактическое невмешательство и самоустранение общесоюзной власти сделали процесс необратимым. Тем не менее, до самого декабря 1991 года еще оставалась возможность сохранить Союз хотя бы в форме усеченной конфедерации, однако и этот вариант был торпедирован сепаратным сговором лидеров трех ключевых союзных республик. Таким образом, развал Союза был обусловлен не столько сепаратистскими амбициями национальных республик (хотя психологическая предрасположенность к сепаратизму у их руководства, несомненно, имелась), сколько фактическим отказом Центра выполнять государствообразующие функции.

Что такое постсоветское государство?

Расчленение СССР отнюдь не означало автоматического возникновения на его месте новых государств-наций. Постсоветские республики представляли собой осколочные образования, как в экономическом, так и в социокультурном отношении. Экономический коллапс и резкое падение уровня жизни населения сопровождалось невиданной идеологической дезориентацией и деморализацией. Выяснилось, что вне того единого сообщества, каким был советский народ, многие народности оказываются не в состоянии мирно сосуществовать, а то и вовсе начинают распадаться, лишившись мировоззренческих ориентиров и скрепляющей социальной структуры. Всплеск «титульного» национализма в бывших советских республиках породил острую реакцию со стороны национальных меньшинств и привел к многочисленным конфликтам на этнической почве (Нагорный Карабах, Южная Осетия, Абхазия, Приднестровье). Размытость национальной самоидентификации и агрессивное навязывание со стороны государства определенного «образа нации», принимаемого лишь частью населения, привело к перманентному гражданскому противостоянию на Украине, которое в перспективе угрожает целостности страны. Приватизация советской государственной (народной) собственности номенклатурными кланами привела к уничтожению былой социальной структуры, а значит и того советского «среднего класса», который и делал советский народ нацией. Вместе с тем, не произошло и формирования «среднего класса» капиталистического образца. Разрыв в доходах и качестве жизни между элитами и остальным населением в большинстве бывших советских республик позволяет говорить о том, что здесь произошло установление «национальной модели», характерной для третьего мира (о ней речь шла в первой части статьи).

Утверждение порядка, повлекшего за собой обвальное ухудшение жизни большинства населения, требовало какого-то оправдания. Публично признать в качестве источника бед собственную деятельность постсоветские элиты не могли, поэтому нужен был «образ врага», на которого можно было бы списать все неурядицы и который не смог бы ничего возразить. Наиболее подходящей «кандидатурой» был уничтоженный Советский Союз. Во всех постсоветских республиках, в т.ч. и в России, провозгласившей себя правопреемницей СССР, синхронно разворачивается кампания очернительства советского прошлого. Важным элементом

легитимации нового порядка стало утверждение образа постсоветских государств как этнонаций, «освобожденных» от советского/российского «ига».

Деструктивные последствия нагнетания этнонационалистической истерии проявлялись не только в резком ухудшении отношений между республиками, еще недавно входивших в единое государство. Национализм вносил дополнительный раскол в и без того «распыленные» постсоветские общества, разделял вчерашних сограждан на «своих» и «чужих», «коренных» и «некоренных». Результаты оказались поистине плачевными: дискриминация русских в Прибалтике, их массовый исход из Средней Азии (что рикошетом ударило по кадровому и образовательному потенциалу республик), многолетний конфликт между Арменией и Азербайджаном, фактический территориальный распад Грузии и Молдавии, перманентная напряженность между Западом и Востоком на Украине. Сегодня, спустя более 15 лет после Беловежских соглашений, ситуация, конечно, стабилизировалась, однако повода для оптимизма нет: произошла лишь консервация застарелых проблем и конфликтов. А значит, они оказываются просто отложенными в будущее. Таким образом, ни о каком формировании «нормальных» государств-наций на постсоветском пространстве речи быть не может.

Сама попытка, независимо от степени ее искренности, построения этнически однородных государств-наций на постсоветском пространстве выглядит глубоко запоздалой и не соответствующей общемировым тенденциям. «Национальное строительство» в бывшем СССР началось тогда, когда во всем мире сам институт государства-нации оказался в кризисе. Глобализационные процессы, формирование больших геополитических и геоэкономических пространств приводят к размыванию формата государства-нации, «перетеканию» национальных полномочий и компетенций над- и транснациональным структурам – сверху, и регионам – снизу. Конечно, служить панихиду по государству-нации будет преждевременным, однако стремление загнать то большое пространство, каким был СССР, в прокрустово ложе этносuverенитетов, не может рассматриваться иначе, как огромный шаг назад в социальном развитии.

Белорусская модель постсоветского государства.

В начале 90-х гг. в Беларуси, как и везде на постсоветском пространстве, имела место попытка формирования этнонации, причем за основу брался тот националистический проект, который возник в 19 в. в среде полонизированной мелкопоместной шляхты и был ее своеобразным ответом на вызов набирающего силу «западнорусизма». Однако этот проект настолько не соответствовал ментальным установкам постсоветского белорусского общества, что был отторгнут в течение двух лет. Процессы консолидации русского, белорусского и украинского народов, начавшиеся еще в 19 в., шли и в течение всего советского периода, причем зачастую не благодаря, а вопреки политике партии. К 80-м гг. уже фактически сформировалось общее восточнославянское этнокультурное пространство. Поэтому навязываемая в начале 90-х гг. идеология попросту не могла найти сочувствия в белорусском обществе. В отличие от Беларуси, на Украине аналогичная идеология имела свою референтную группу в западных регионах, культурная и цивилизационная общность которых с другими частями страны до сих пор является дискуссионным вопросом. Последствием этого является многолетнее противостояние Запада и Востока, не раз ставившее Украину на грань распада.

Появление Президента А.Г. Лукашенко, ориентированного на реинтеграцию постсоветского пространства, стало закономерной реакцией белорусского общества как на грозившее национальной катастрофой реформаторство предыдущего руководства, так и на его национальную политику, не соответствующую мировоззренческим установкам большинства народа. Сохранение и развитие экономической инфраструктуры, созданной во времена СССР, стало основным вектором политики Президента Лукашенко. Такая экономическая и социальная политика закономерно дополнялась «реабилитацией» советской (с поправкой на условия нового времени) идентичности белорусов, ориентированной на интеграцию и кооперацию в рамках бывшего СССР. Благодаря этому в Беларуси удалось избежать обострения межнациональной напряженности, сохранить ценные кадры «нетитульного» происхождения,

а также сберечь то обширное культурное наследие, которое создавалось в рамках «большого пространства» СССР и России.

С большой долей уверенности можно говорить о формировании в Беларуси неосоветской модели гражданской нации. Идеалы социальной справедливости и братства народов являются консолидирующими для всех этнических и конфессиональных групп, никак не затрагивая и не ущемляя их национальных и религиозных чувств. Отказ от радикальных попыток изменить языковую ситуацию позволил избежать дестабилизации политической обстановки и сохранить тесные культурные связи с другими государствами СНГ, прежде всего, с Россией и Украиной. Белорусское общество является психологически наиболее подготовленным к реинтеграции в рамках бывшего СССР и готово предложить ее конкретные варианты, в том числе и в сфере национальной политики. К сожалению, это не выгодно большинству постсоветских элит, по-прежнему ведущих свои страны гибельным курсом, взятым в начале 90-х гг. Поэтому для белорусского руководства представляется целесообразным активизировать контакты со всеми общественными силами в постсоветских республиках, выступающими за реинтеграцию. Сегодня Беларусь имеет все шансы стать ядром нового интеграционного образования, и чем скорее это произойдет, тем лучше. Один в поле не воин, а стабильность и благополучие в Беларуси невозможны без стабильности и благополучия на том большом пространстве, к которому Беларусь исторически принадлежит.

Внеэкономическая деятельность и экспорт продукции

В соответствии с Законом о Совете Министров Республики Беларусь и подчиненных ему государственных органах Правительство регулирует внешнеэкономическую деятельность, а одним из приоритетов этой деятельности является экспорт продукции. Эффективно это предопределено тем, что экономика Беларуси является открытой, она производит на 90% больше продукции, чем требуется для внутреннего потребления. Поэтому внешнеполитическая и внешнеэкономическая деятельность нашего государства направлена на создание благоприятных внешних условий для экономического, социального и культурного развития белорусского общества.

Управляя этим процессом, Совет Министров ежегодно утверждает мероприятия по развитию экспорта. Ими предусматривается, в частности, поэтапное расширение финансовой базы государственной поддержки экспорта, совершенствование системы страхования экспорта, увеличение экспорта товаров и услуг сектора малого предпринимательства, государственная поддержка экспорта научных организаций. В этой сфере намечаются также меры по совершенствованию налогового и таможенного законодательства, повышения конкурентоспособности белорусского экспорта.

Политико-экономические интересы Беларуси связаны, прежде всего, с Россией. Эта установка основывается на воле народа, выраженной на республиканских референдумах. Важнейшим этапом реализации Договора о создании Союзного государства стало создание общей правовой базы Союза Беларуси и России, формирование единого экономического, оборонного и гуманитарного пространства.

В значительной мере удалось восстановить разорванные хозяйственные связи между предприятиями двух стран. Создан ряд межгосударственных финансово-промышленных групп, обеспечен равный взаимный доступ субъектов хозяйствования Беларуси и России к участию в тендерных торгах. Только по линии Министерства иностранных дел зарегистрировано более 150 предприятий с российским капиталом. Основа белорусско-российского экономического и научного взаимодействия - Союзные программы. Их в настоящее время около сорока, в том числе дизельное автомобилестроение, карьерный транспорт, разработка и производство цветных телевизоров новейшего поколения.

Одна из самых перспективных научно-технических программ Союзного государства - разработка и серийное производство суперкомпьютера («СКИФ») производительностью

до триллиона операций в секунду. Ее реализация позволит выйти на собственный путь развития конкурентоспособной вычислительной техники, обеспечить национальную безопасность и независимость Беларуси и России, создать новые рабочие места в наукоемких отраслях промышленности. Ответственными исполнителями программы являются научно-исследовательское объединение «Кибернетика» Национальной академии наук Беларуси и Институт программных систем Российской академии наук [Медведев В. «СКИФ» врывается в XXI век// Сов. Белоруссия. 2003. -11 июня. - С - 4].

В целях расширения торгово-экономических связей в посольстве Республики Беларусь в Российской Федерации образованы отделы регионального сотрудничества, торгово-экономического сотрудничества с Москвой и Московской областью, экономического анализа и торгово-хозяйственных технологий, выставочно-маркетинговый центр. Функционируют отделения посольства в Санкт-Петербурге, Мурманске, Калининграде, Краснодаре, Тюмени, Хабаровске, Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Новосибирске и Уфе.

Такое внимание к российским регионам не случайно - в эту страну поставляется около 50% общего экспорта белорусской продукции. Республика заняла в торговле с Россией второе место после ФРГ. Взаимный товарооборот наших стран по сравнению с 1993г. увеличился более чем в 4 раза. Если по итогам 2003г. он составил 12,5 млрд. долларов США, то в 2004г. - 17,6 млрд. долларов. А это означает новые рабочие места, своевременную выплату заработной платы и пенсий, поддержку науки, образования, культуры, детских дошкольных учреждений.

Крупнейшим торгово-экономическим партнером Беларуси является г. Москва. Тесные деловые связи установлены между Беларусью и Санкт-Петербургом, Московской, Тульской, Смоленской, Новосибирской, Липецкой и другими областями. Сейчас 80 из 89 субъектов Российской Федерации имеют с республикой договорные отношения о сотрудничестве.

Один из основных белорусских рынков находится в Украине. Отдавая приоритет отношениям со странами СНГ, Правительство Беларуси исходит из необходимости соблюдения принципа многовекторности. Активно развиваются контакты с Латвией, Литвой, Польшей, со многими странами Запада, Азии, Африки и Латинской Америки.

Эффективной формой внешнеэкономической деятельности государства является участие министерств, концернов, объединений и предприятий в международных выставках и ярмарках, проводимых как в Беларуси, так и за рубежом. Через торгово-экономические выставки и ярмарки, которые были и остаются одним из самых надежных путей расширения международных деловых связей, белорусские предприятия все более активно выходят на мировой рынок. Ежегодно в выставках, организуемых в Республике Беларусь, участвует до 3 тыс. отечественных предприятий различных форм собственности, за рубежом - около 500. Это вносит существенный вклад в продвижение белорусских товаров на международные рынки, способствует привлечению в страну новых технологий и инвестиций, расширению рынков сбыта отечественных товаров.

Выставки активно содействуют динамичному развитию народного хозяйства Беларуси, экономическому, научно-техническому, культурному сотрудничеству на международном уровне, укреплению дружественных связей с народами зарубежных стран.

Вместе с тем, для белорусских предприятий имеется потенциальная возможность существенно увеличить освоение зарубежных рынков. Например, закупки машин, оборудования и транспортных средств в России ежегодно составляют более 15 млрд. долларов США. На долю Республики Беларусь в поставках этой группы продукции приходится только 6%, что позволяет увеличить экспорт сельскохозяйственной техники для уборки и сенокосения, тракторов, автобусов и трамваев. Ежегодно Россия ввозит продовольственных товаров на сумму более 10 млрд. долларов. Для увеличения экспорта белорусских товаров целесообразно проанализировать действующие в республике нормативно-правовые акты, регулирующие экспорт продовольствия и использование валютной выручки, создать заинтересованность экспортеров в наращивании объемов экспорта, решить вопросы упаковки продуктов. Резервом увеличения поставок продовольственных товаров на российский и западные рынки могут быть перера-

ботанные дары леса (ягоды, грибы и т.д.). Разумеется, потребует соответствующая работа республиканских и местных органов исполнительной власти, потребительской кооперации.

Одна из главных задач во внешней торговле на текущую пятилетку - сокращение экспорта сырья и увеличение экспорта высокотехнологичной продукции и технологий, более полное использование положения республики как транзитной страны.

Для упрочения Беларуси на зарубежных рынках следует всемерно развивать электронную торговлю через Интернет. Белорусские экспортеры должны владеть такими механизмами, которые позволят им в сотни раз сократить затраты времени на поиск деловых партнеров, банковские и другие процедуры. Настало время создать в Интернете единый национальный портал по внешнеэкономической деятельности, используя международные стандарты.